

Королевство на грани нервного срыва

Автор:

Надежда Первухина

Королевство на грани нервного срыва

Надежда Валентиновна Первухина

Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези Принцесса с дурной репутацией #2

Угораздило меня стать женой гения! И при этом звездной принцессой. Вечной, дрын еловый мне в печень! Но недолго я радовалась семейной жизни. Мой муж – герцог Альбино Монтессори, величайший поэт нашего времени, – скончался при странных обстоятельствах. И пусть он был подлецом, хладнокровным мерзавцем и самовлюбленным болваном, его смерть стала для всех потрясением. Но на этом неприятности не закончились: Оливия, дочь герцога, впала в летаргический сон, а меня объявили ведьмой. Жизнь в замке оказалась парализована, а народ маялся в печали, не зная, куда себя притулить.

О, святой Градусник! Кто, если не я, разберется во всем этом и наведет в королевстве порядок?..

Надежда Валентиновна Первухина

Королевство на грани нервного срыва

Роман

© Н. Первухина, 2018

Посвящается Юлии.

Твоей улыбки достаточно для вдохновения.

Глава первая

От смеха до страха достаточно песни

– Ваша светлость!

– Э, да...

– И... Ваша светлость!!!

– Ну, какого дрына?

– Оливия, прекрати самовыражаться. Петруччо, вечно вы с обновкой – с разодранным локтем. Достаньте календарь, введите меня в курс – не так, как хрип-хипарь, а с чувством, с толком, с расстановкой. Что там у нас, Петруччо?

– Его светлость изволил передать, что весь день он будет в Скриптории и просил его не беспокоить.

– О, это легче легкого!

– Командор Виктор Мессало сожалеет, но учитель фехтования для вас вряд ли появится в замке в ближайшие три дня. Погода, дороги развезло...

– Ага, погода. Эта погода называется кабачок «Прекрасная Розина». Пусть мессер Виктор отправит туда кого-нибудь. Наверняка фехтовальщик там. Пусть ему объяснят, что не следует заставлять ждать двух высокородных синьор. Только не калечить. Все?

– Маэстро Рафачелли с нетерпением ждет госпожу Оливию на очередной сеанс.

– Дрын мне в спину, если я хочу, чтобы с меня писали портрет! Люци, вот зачем?

– Я хочу тебя обессмертить, дорогая. И к тому же у мессера Рафачелли девять детей, ему надо как-то зарабатывать им на хлеб.

– Давай просто дадим ему мешок денег и кастрируем, а портрет в топку?

– Оливия, это нерационально. К тому же у художника есть своя гордость... Петруччо, вы свободны. Ступайте, и пусть кто-нибудь из белошвеек заштопает ваш рукав.

– Да, госпожа. Хрип-хип – это пруха, рыцарей мочит хипарь Петруха!

– Жалко, что у нас крысиный яд закончился. Хрип-хип, надо же! И это в родовом поместье Монтессори!

– Забей.

– Петруччо откланялся. Вот уже и славно. Продолжим партию?

– Само собой, мамочка, – ехидно прищурилась Оливия.

Оливия – единственная дочь герцога Альбино Монтессори, великого поэта, гения, которого чтят не только на родине – в Старой Литании, но и по всему миру. Я же – Люция Монтессори, супруга герцога и мачеха Оливии. Мою падчерицу это чрезвычайно веселит, поскольку мы с ней одноклассницы, нам почти по шестнадцать. Скоро – пятого февраля – у нас день рождения, но в винные погреба мы регулярно наведываемся с тех пор, как отпраздновали Новый год. Домоправитель только разводит руками – я, будучи женой герцога, хозяйка всему, и дубликаты ключей от погребов у меня есть всегда. Только вы, далекий

собеседник, не подумайте, что мы с Оливией – жуткие пьяницы. Мы вполне адекватные девчонки, но иногда любим подурачиться. Последний раз мы в погреба ходили не за вином. Мы надели простыни и с жуткими завываниями носились друг за дружкой. К нашему счастью, в погреб как раз спустились два поваренка. Теперь они так славно заикаются!

Но вернемся к настоящему моменту. В настоящий момент я и моя падчерица заняты игрой. Вполне благопристойной, если со стороны. Мы бросаем боевые дротики в днище дубовой бочки. Правда, тут сторонний наблюдатель может заинтересоваться тем, что бочка наполовину застряла в стене, и если зайти в комнату с другой стороны этой стены, верхней части бочки там не окажется. Дело в том, что на самом деле эта бочка – метаморфическая реальность, обладающая сознанием, находящаяся одновременно в четырнадцати измерениях, и по каким-то своим соображениям здесь принявшая форму бочки. Точнее, полубочки. Может быть, в какой-то реальности, она мраморная статуя прекрасной девы. Или поле брюквы. Или музыкальная шкатулка. Мессер Софус, наш общий друг, о коем еще будет немало сказано, рассмотрев это явление со всех сторон, развел лапками: девочки, многомерность еще никто не отменял. Скажите спасибо, что у вас в замке параллельные прямые прямо в спальнях или в уборных не пересекаются. А чтобы бочка не пропадала впустую, вот вам набор из двадцати боевых дротиков, расчертите днище и обучайтесь меткости, глазомеру и ловкости рук. Еще мессер Софус растолковал нам кое-что простенькое насчет индивидуальных гравитационных полей, силовых линий, световых волн, и игра у нас пошла полным ходом!

– Мой черед метать, – заявила Оливия и принялась покачивать вперед-назад рукой с дротиком. Я смотрела на это дело толерантно. Я шла впереди Оливии на восемь очков, так что можно было дать ей насладиться вкусом минутной победы.

Оливия метнула. Дротик полетел со свистом и вонзился в днище на отметке «пять». В воздухе буйно запахло кишечными газами – бочка оценила меткость моей падчерицы, вот оно метаморфическое сознание, ничего святого нет!

– Гадство, – пробормотала Оливия. – Давай, Люция.

Я честно не стремилась обойти Оливию. Себе дороже. С тех пор как она стала сажать в оранжерее хищные травы и цветы-убийцы, а в одной из пустующих галерей замка оборудовала террариум, мне совершенно не улыбалась перспектива обнаружить в постели гремучую змею. Или кактус-самострел.

Поэтому я прицелилась и пустила дротик, отлично зная, что Оливия повлияет на него своим гравитационным полем и он воткнется в тройку. Ну и пусть. В этой игре мне была важна Оливия, а не победа.

Дротик воткнулся в тройку. С потолка мне на макушку упала довольно увесистая неприятная жаба. Оливия ядовито захихикала.

– На, – голосом, полным фальшивого отчаяния, молвила я и вручила ей жабу. – Подселишь в свой террариум.

Пока же жабу посадили в горшок с фикусом. Этот фикус был вообще многострадальный. Чего только в него не выливали и не выкидывали, а он все так же мирно краснел и буйно колосился. Правда, иногда плакал тоненьким голоском. Мне временами казалось, что он все-таки не из нашей реальности, хотя я абсолютно ничего не понимаю в фикусах, не мне судить. Может, у них, у фикусов, так полагается жить.

И тут наша игра была непотребнейшим образом нарушена.

Двери распахнулись, и на пороге комнаты объявился великий мастер кисти и резца Брунгильдус Рафачелли. Он стоял в своем алом берете с пышным плюмажем, в черном плаще с алым же подбоем и олицетворял собой глубочайшее возмущение.

– Дражайшая донна! – возопил он, обращаясь ко мне. – Я прибыл сюда, чтобы увековечить в красках лик вашей прелестной падчерицы. Сегодня должен быть сеанс. Я уже развел краски, и тут является этот наглый Петруччо, который, кстати, ворует у меня прекрасные колумбанские сигариллы, но это детали... Так вот, он заявляет, что сеанса не будет!

– Он лжет, маэстро, – наисмиреннейшим голосом молвила я. – Мы немедленно идем в вашу студию. Оливия, искусство не может ждать. Дротики в чехлы, протри лысину влажной салфеткой – и вперед, навстречу своему бессмертию!

Взгляд, коим одарила меня моя падчерица, не поддается никакому описанию. Боюсь, где-то далеко-далеко взорвалась еще одна галактика, такая мощная негативная энергия была аккумулирована в этом взгляде. И даже у меня ухо

зачесалось.

Студией маэстро Рафачелли была самая светлая комната на втором этаже замка. Маэстро хотел (и справедливо) создать шедевр – и деньги достойные, и слава среди современников и потомков. Все пригодится. Именно поэтому в студии, помимо мольбертов, этюдников, мастихинов, ящичков с красками, имелись старинные резные кресла из черного дерева, задрапированные разными дорогущими тканями, серебряные блюда и кувшины, обвитые шелковыми цветами, и прочий антураж, в коем моя падчерица должна была блистать, как алмаз в бархатном футляре.

Да, но сигариллы?! Неужели этот прыщавый хрип-хипарь Петруччо тоже их таскает? Надо его зажать в каком-нибудь особо темном углу и доходчиво объяснить, что позволяемое хозяйке замка не позволено какому-то хрип-хипарю и полному балбесу. А то как-то совсем некрасиво получается.

– Я не одета для сеанса, – в последний раз решила отлынить Оливия, но я развернула ее от выхода железной рукой:

– Твое платье во-он там.

«Во-он там» стояла старинная ширма красного дерева, и Оливия прекрасно знала, что за нею находится. Парадное платье дочери герцога Альбино Монтеessori – это были не просто слова. Надеть его Оливия могла только с посторонней помощью – моей, подобно рыцарю, которого оруженосец облачает в парадные доспехи.

Маэстро радостно кинулся растирать краски и создавать антураж, а мы зашли за ширму. Я принялась раздевать Оливию.

– Я тебе этого никогда не прощу, – пообещала Оливия.

– Конечно.

– Я отомщу. Страшно отомщу.

– Не сомневаюсь.

- Не трогай панталоны! Они все равно не видны под нижними юбками!
- Судя по своеобразному аромату, ты носишь эти панталоны уже... неделю?
- Всего-то три дня! Четыре. Ну хорошо, да, неделю.
- Оливия, что милая Сюзанна говорила нам о повседневной гигиене юной девушки?
- Ты крыса. Мерзкая, кривоногая, старая крыса, которую запекли в сухарях!
- Безумно оригинально, но после сеанса я запихну тебя в ванну и лично проверю количество свежего белья в твоём комоде.
- И политая гнойным соусом!
- Да-да, как тебе будет угодно. Корсет надевай, пожалуйста. Не наизнанку, а то замуж никто не возьмет. Ох, зачем я только это сказала!

Маэстро деликатно покашлял, намекая, что мы слишком долго возимся.

- Минутку, маэстро! – крикнула я из-за ширмы. – Нам остались только гербовая лента и туфли.
- А геннин? – взволновался маэстро. – Разве геннин вы не станете надевать? Или хотя бы кружевную накидку?
- Повторяю, – прорычала Оливия так, что ширма опасно закачалась. – Я буду на портрете лысой! Я и в гроб сойду лысой! Такова моя воля!

Наконец мы вышли из-за ширмы. Точнее, я вышла, а Оливия медленно выплыла, как тяжело груженная баржа. Дело в том, что парадное платье герцогини сшито из исключительно тяжелого рытого бархата и золотой, колючей парчи. Весь корсаж так заткан алмазами и жемчугами, что они напоминают кольчугу, а не какой-нибудь узор. И без того скромная грудь Оливии за этой кольчугой скрылась окончательно, но мало того, сверху надевалось многоступенчатое ожерелье из различных драгоценных камней. Благодаря ежедневной

гимнастике, которую я заставляю Оливию делать, шея ее стала достаточно крепкой. Как и все остальное тело – гибкое, сильное, стройное и изящное. Теперь уже не узнать в этой девушке, грациозностью напоминающей пантеру, ужасную калеку, уродца, которой брезговал даже собственный отец. Когда я появилась под сводами Кастелло ди ла Перла в качестве компаньонки для больной девочки, я еще не представляла, кем для нее стану. А главное, кем она для меня станет...

Кхм, вернемся к костюму. К плечам сзади крепился кунтуш – накидка, подбитая голубой норкой. Да, еще наискосок шла гербовая лента из темного муара с вытканым гербом герцогов Монтеessori. Пожалуй, все, включая длинные шелковые перчатки и туфли (тоже сплошная парча).

Маэстро оглядел Оливию и изрек:

– Сплендидо! Великолепно! Вы, ваша светлость, должны почаще надевать свой парадный костюм – это сразу зажигает в ваших глазах сияние высокородности и придает вашей осанке воистину божественную стройность!

Для пущей «божественности» осанки я Оливии за спину стальную линейку сунула. Мне за это крепко влетит после сеанса, но сейчас Оливия уже смирилась и решила терпеть два часа в парадном платье, чтобы потом предать меня лютой, мучительной казни. Казнь она за два часа продумает во всех подробностях, я уверена. Что ж, у меня тоже есть время придумать, как этой казни избежать.

Я скромно села в уголке студии возле ширмы, чтобы наблюдать сразу и за маэстро и за Оливией. Оливия восседала в старинном кресле и впрямь как какая-нибудь древняя богиня, у ее ног маэстро разместил раскрытый ларец с самоцветами, серебряные кувшины и венок из шелковых роз – все это символизировало богатство рода Монтеessori и красоту самой Оливии. Я находила это вычурным и помпезным, но Рафачелли – художник, он так видит.

Наступила тишина, нарушаемая только шорохом кисти маэстро и его приглушенными восклицаниями – так он общался со своим творческим гением. Я внимательно посмотрела на Оливию – глаза ее были задумчивы и бездонны. Значит, она находится в процессе Сочинения Большой Каверзы. А я вдруг почувствовала себя ужасно сонной, что было совершенно не ко времени. Вот

такой сонной, вялой и любящей весь мир, меня и сцапает Оливия, подложивши в постель ту же жабу или иглобрюхого геккона (живет у нее в террариуме, редкий экземпляр неповторимого уродства). Оливия прямо обожает этого геккона: у него, мол, потрясающий яд, парализующий человека на несколько часов, достаточно легкого укола одной иголкой. И взглядом своим он может вызвать приступ истерии. И даже какашки у него ядовитые – ни вкуса, ни запаха, – подсыпал врагу в суп, нет больше врага. В моем случае до какашек, конечно, дело не дойдет, но...

– Мне скучно, – капризно заявила Оливия. – Я тут сижу, как кукла фарфоровая, а вы развлекаетесь!

– Оливия, – тоном взрослой, сугубо разумной тетушки молвила я. – Маэстро работает, а я-то как могу развлечься, по твоему мнению? Дырки в гобелене считать?

– Вот-вот, – иногда у Оливии бывает о-очень противный голосок. – У тебя хоть есть возможность считать дырки в гобелене! Прикажи позвать этого... с непроизносимым именем... певца из малых северных стран!

– Гуслея Вржика Држабарду? – ахнула я. – Но ведь это чистый разбойник с большой дороги! И то он стал чистым, когда его отмочили в трех бочках кипятку со щелоком. И он еще при этом орал на нас, что мы лишаем его ценных вшей, которые вдохновляют его на творчество! Не знаю, чего ради герцог позволил этому бандиту кормиться в замке вот уже вторую неделю! А эти... гусли, я так и не поняла – музицирует он на них или пытается врагов!

– Вот и давай это выясним, – не сдалась Оливия. – Маэстро весь ушел в творчество, а у меня чешутся пятки.

– Я немедленно почешу тебе пятки, только давай не будем трогать гуслея!

– А я хочу, – тон Оливии стал совсем уж беспардонным.

– Исцелитель нам помощи, – вздохнула я, дернула за сонетку и сказала явившейся служанке:

– Пусть сюда приведут гусяра, ну, того самого...

– О-о-ой, – обесцветилась от ужаса служанка.

– Передай это Теобальду и Марселино, они крепкие мужики, пусть его приведут и стоят на страже. И вооружатся боевыми мечами. Двуручными!

– Да, герцогиня.

Служанка исчезла. На лице Оливии заиграла мстительная ухмылка, которую заметил даже художник:

– О прекрасная донья, умоляю вас, перестаньте улыбаться! Я как раз работаю над контуром губ, а от такой улыбки я вспоминаю, что у меня четыре непогашенных кредита!

– Оливия! – рявкнула я. – Прекрати, ты герцогиня в конце концов! Маэстро, можете не волноваться – я погашу ваши кредиты, как только вы завершите работу над портретом моей неумной падчерицы.

– Благодарю вас, донна Люция, – поклонился в мою сторону Рафачелли. – В творческих кругах вы недаром сльвете покровительницей искусства. Если бы я мог вас изваять в мраморе... У вас такие линии бедер...

– Не отвлекайтесь на мои бедра, маэстро, – светски улыбнулась я. – Сейчас меня волнует только портрет Оливии. А там поглядим, кого можно будет еще написать или изваять.

В дверь постучали.

– Да, – молвила я.

Вошли мрачные Теобальд и Марселино, фигурами напоминавшие медведей и обвешанные холодным оружием, как майское дерево – лентами. Меж ними обретался гусяр Вржик, а то, что висело у него на поясе и гудело, полагаю, было его музыкальным инструментом.

Теобальд и Марселино поклонились мне, дав по подзатыльнику гусяру, так что он тоже, считай, поклонился.

– Госпожа, – прогудели они.

– Добрый день, мессеры, – улыбнулась я им. – Моя милая падчерица возжелала услышать песнопения нашего гостя. Пожалуйста, посадите его...

– На кол?! – обрадовались недотепистые мужики.

– Вот на эту скамью. Прекрасно. Теперь я поняла, где у него перед. Добрый день, Вржик.

– Пшбжегжебже, – отвечал из-под обилия седых волос наш гость и сверкнул глазами. Они были круглые и желтые, как у филина, но я решила не заострять на этом своего внимания.

– Достопочтенный Вржик. Мы с моей падчерицей давно мечтали насладиться вашим исполнительским талантом...

– Попсу не лабаю, – вполне внятно прорычал Вржик.

– И прекрасно, – молитвенно сложила руки я. – Нам что-нибудь из вашего постоянного... репертуара.

– По ходу, ты баба с мозгами, ценишь высокое, вечное, – Вржик стал производить сложные манипуляции со своим инструментом: – Ща настрою.

– Дрынь-брынь, гусельки, – вдруг подал он хорошим баритоном. – Золотые струночки, ах, вы не рвитесь, не ломайтесь, мне, хозяину, подчиняйтесь!

И провел пальцами по ряду струн.

Это было... весьма мелодично. Даже, можно сказать, талантливо. Глаза Вржика снова сверкнули, словно желтые топазы.

– То была не песенка, то была припевочка, ты не бойся в лес ходить, красна девочка! Что ж, благородные господа, послушайте скромного барда из далекой северной страны. В стране у нас разные песни поют. Иной раз такие:

Был у меня дружбан,

Мог выпить водки жбан.

Однажды он выпил метиловый спирт,

На небе теперь грустит.

Теобальд и Марселино сдавленно гугукнули, что должно было означать рьяный мужской хохот. Но на службе они не могли себе это позволить. Вот в замковой казарме они обязательно процитируют сей шедевр, и он обретет там бессмертную популярность.

– Продолжать ли мне, прекрасные дамы? – видимо, бард вошел в образ окончательно и поведение выбрал соответствующее.

– Пожалуйста, – кивнула я.

– Конечно, сударыни, то, что я сейчас пропел, не для нежных дамских ушек. Это вон вашим медведям под стать. Так что для вас спою рок-балладу.

– Рок?! – удивилась я. – Первый раз слышу. Почему рок?

– Потому что это о неотвратимости рока и казни судьбы. Это очень старинная баллада. И правильно пою ее только я.

– Хорошо, – кивнула я. На свое горе кивнула.

Гусли словно превратились вдруг в огромный орга?н – такое богатство звуков бард Вржик извлек из них за одно мгновение. Глаза его снова засверкали бледно-желтым и уж больше не гасли, пока он пел:

Время.

Это лекарь, который не лечит,

Душевных ран он не лечит,
Давних клятв он не отменяет,
Только губит и терзает сердце.
Оно словно голос в пустоте
Или голос самой пустоты.
Кажется, что оно дает,
Но на самом деле оно отнимает.
Жил на свете один поэт,
Но стихов его не читали,
Талант его не превозносили,
И был он одинок, беден и несчастен.
Полюбила его девушка простая,
Что носила ему молоко из деревни.
Он читал ей стихи и плакал,
Что не ценят его таланта.
И было ей так его жалко,
Что однажды она спросила:
«Что ты сделал бы тому человеку,
Который бы тебя прославил?»
Загорелись глаза у поэта:
«Если б человек такой нашелся,
Был бы он отцом мне, коль он старец,
Матерью – коль старица святая,
Братом – коль мужчина и ровесник,
А девица – милою женою!» —

«Обещаешь ли ты это и клянешься,
И от слов своих не отречешься,
Коли станешь знаменитым в мире?» —

Тихо его девица спросила.

«Обещаю это и клянуся,
И от слов не будет отречения,
Даже если стану знаменитым!»

Ничего девица не сказала

И ушла, не оглянувшись даже.

Он ее ухода не заметил,

Грезил он о славе и бессмертье.

Молоко носить ему стал мальчик,

Брат девицы, что его любила.

Мальчик тот немой был от рождения

И не мог сказать: сестра исчезла.

И никто не ведает – жива ли.

А девица – любящее сердце —

В лес пошла, куда живой не ходит,

Через Костяную гору, чрез болота,

И пришла на Черную поляну.

Там изба стояла золотая,

Вся как есть из золотых из слитков.

А в избе жила слепая ведьма.

Подошла та девица к порогу,

А уж ведьма двери открывает:

«Чую, пахнет духом человеческим
Да еще девицей непорочной.
Что пришла? Да, впрочем, мне известно.
Любишь ты пустого человека,
И ему ценней слова пустые
Всей земли, и неба, и всей жизни.
У тебя же сердце словно солнце
И душа – второй такой уж нету.
И ты хочешь ради стихоплета
Погубить такое достоянье?
Уходи, найди себе другого,
Чтобы сердцем тоже был горячий,
Чтоб любил тебя со всею силой,
Чтоб берег тебя сильнее святыни.
Ну, постой, подумай на пороге.
Коль войдешь, возврата уж не будет,
Совершу я колдовские чары —
И любимый твой получит славу,
Знатность и богатство – все, что жаждет.
Ты же мне заплатишь и прослужишь
У меня служанкою три года.
Если же сбежать ты вдруг решишься,
Превратишься в золотой кирпичик,
И вложу тебя в свою я стену».
Помертвела в ужасе девица,

Но порог, вздохнув, переступила.

И захохотала злая ведьма,

И сказала нужное заклятье.

Три года служила ведьме девица,

Выплакала давно все слезы,

Потеряла молодые силы.

Волосы ее стали снегом белым,

Нежная кожа огрубела,

Алые губы истлели,

Словно стала она мертвецом ходячим.

Но однажды ведьма ей сказала:

«Закончился срок твоей службы,

Отпускаю я тебя на волю.

Верно и честно ты служила,

За то будет тебе моя награда:

Красота к тебе не вернется,

Но кто ждет тебя, тот тебя дождется».

Поклонилась ведьме девица

И домой, сияя, поспешила.

Думала она, что ее любый

Ждет ее и помнит обещанье.

Вот она в деревню воротилась...

Только больше нет родной деревни,

На месте ее колосится поле,

А стояла где изба родная,

Лишь шалашик лепится убогий.
Подошла к шалашику девица,
Ей навстречу вышел ветхий старец,
Поглядел ей в очи и заплакал.
«Кто ты?» – в страхе молвила девица,
А потом в лицо его вгляделась
И великим криком закричала:
То был ее милый младший братец,
Ждал ее он вовсе не три года,
Девяносто лет прошло за время,
Что она у ведьмы прослужила.
Все уже давно поумирали,
Но молил он Небо, чтоб дожждаться,
И дождался он сестры любимой.
В горе же обрел он слух и голос
И изрек сестре: «Моя родная!
Ты ушла любви своей за-ради,
Но тебя он вовсе не достоин!
Получил он славу и богатство
И обрел бессмертье с красотою.
Видишь замок с крепостной стеною?
То его покои, где вседневно
Тысячи гостей его возносят.
Стихословия его прекрасны,
Сердце ж его черно и жестоко.

Это он сгубил деревню нашу,
Чтоб посеять здесь ржаное поле,
Чтобы этим полем любоваться,
Когда осеняет вдохновенье.
Мне же он остаться здесь позволил,
Чтоб его служил я вдохновенью.
О тебе ни разу он не вспомнил.
Ты зазря свой подвиг совершила».
Горько зарыдала та девица,
Но потом скрепилась и сказала:
«Дал он клятву мне, и я напому,
Что пришло той клятвы исполнение.
Отведи меня в его жилище».
Слуги на порог их не пускали —
Шло в то время пиршество большое.
Но потом решили их для смеха
В зал впустить, где бражничали гости.
Как они увидели двух нищих,
То еще сильней захохотали.
А поэт надменно им промолвил:
«Кто такие вы и что вам надо?»
«Ты не узнаешь меня, любимый? —
Молвила несчастная девица. —
Время для тебя не изменилось,
Ты все так же молод и прекрасен,

Но всем этим ты лишь мне обязан.
Я служила окаянной ведьме,
Красоту и силу потеряла,
Чтобы ты обрел желанну славу,
Почести, богатство и бессмертье.
Так теперь исполни свою клятву.
Клялся ты, что ежели девица
Станет для тебя истоком славы,
Сделаешь ее женою лю`бой.
Так женись на мне, сыграем свадьбу,
А потом пиши о сем балладу,
Как ты честь свою не опорочил». —
«Старая и лживая ты шлюха! —
Закричал поэт, плюясь от гнева. —
В голове твоей, наверно, черви,
Коль несешь ты этакие бредни.
Никогда я в жизни так не клялся,
Сам всего трудом своим добился!
Быть же мне любимую женою
Ни одна на свете недостойна!
Прочь подите, палкою их, слуги!»
Помолчала бедная, спросила:
«Может быть, ты хочешь передумать
И твое не очерствело сердце?» —
«Передумал. Пусть сейчас вас схватят,

А потом собаками затравят». —

«В третий раз тебя я вопрошаю...» —

«В третий раз – пусть вас сожгут в овине».

Глубоко вздохнув, она сказала:

«Недостойн ты моей любви,

Жертва моя совершилась впусте.

Но не впусте ведьме я служила.

Мне она дала одно заклятье:

Ты и все сидящие – сидите

В этом замке сто веков, не меньше.

С места не сойти вам, в головах же

Пусть у вас кишат слепые черви,

Пусть утробу черви вам изложут,

И опять вся пытка повторится.

А тебе – отдельное заклятье:

Приходить к тебе поэмы будут

И стихи, но ты их не запишешь,

Руки твои плетями иссохнут,

Очи твои вытекут на щеки,

Голос твой рассыплется как пепел.

И так будет всякому поэту,

Кто кого-то предал, иль обидел,

Иль нарушил собственную клятву!»

И она исчезла словно ветер,

Брат ее бродяжничать пустился,

И с тех пор никто его не видел.

Мы осознали, что бард закончил свою балладу только много-много минут спустя, когда маэстро Рафачелли упал в обморок, опрокинув мольберт. Лишь тогда я опомнилась и посмотрела на Оливию. Она не дышала, лицо ее посинело, глаза закатились! О Исцелитель! Я бросилась к ней, сорвала тяжелое ожерелье, рванула корсет так, что алмазы горохом застучали по полу, принялась похлопывать Оливию по щекам:

– Очнись, миленькая, родненькая, очнись!

Не помогало. Тогда я подхватила ее на руки и уложила прямо на пол. Ставив корсет и расстегнув все пуговицы на платье, я принялась делать Оливии массаж сердца и искусственное дыхание. Через несколько минут она судорожно вдохнула:

– Мама!

Впервые я услышала от нее это слово. Я поняла, что произнесла она его в состоянии шока. Дело плохо.

– Оливия, дыши!

Я приподняла ее и положила голову Оливии себе на колени. В это время очнулся маэстро Рафачелли. Он, пошатываясь, подошел к нам и сказал:

– Чем я могу помочь, донна Люция?

– Принесите воды.

Маэстро заметался по комнате и вдруг вскрикнул:

– Донна Люция, ваша охрана тоже лежит без чувств! А этот певец пропал! Он, верно, испугался того, как мы все лишились сознания и сбежал!

– Об этом позже, сейчас надо, чтобы Оливия окончательно пришла в себя. Так что там с водой? Вон кувшин стоит, что в нем?!

– Ох, вино... Воды нет.

– Все равно, наполните бокал и тащите сюда!

Оливия открыла глаза, ощутив у губ край серебряного бокала.

– Оливия, выпей, это вино. Ну, хоть несколько капель!

– Нет, – отшатнулась Оливия, оттолкнула рукой бокал, и он вылетел у меня из пальцев, расплескивая вино по одежде и ковру. – Это смерть, это смерть пришла за мной!

– Оливия, это же я, твоя Люция!

И вдруг моя падчерица вскочила, завопив так, словно ее прижгли каленым железом:

– Смерть здесь! Смерть! И могильные черви! Мне страшно, страшно, спрячьте меня куда-нибудь!

И упала как подкошенная. Я подскочила к ней, леденея от ужаса. Но, слава святой Мензурке, она дышала, бледность ушла с ее щек. Она... заснула?

– Маэстро, – позвала художника я, а сама вскочила и принялась отчаянно дергать за сонетку колокольчика, призывая слуг: – Помогите мне привести в чувство охранников, пронто.

– Уже, – ответил художник.

Теобальд и Марселино стояли у дверей покачиваясь, словно каждый из них выпил по бочонку крепчайшего чернохмельного пива. Лица у них были бледные, растерянные и еще как будто обиженные, словно их обманул карточный шулер, а они не успели оторвать ему руки и ноги.

– Мессеры, – сказала я. – Куда делся певец? Как вы его упустили?

– Ваша светлость, – развел руками Теобальд. – Так он в коридор ушел.

– Какой коридор? – рассвирепела я. – Он тут своей балладой всех чуть не прикончил! Ищите его по всему замку и немедленно волоките ко мне!

– Этот коридор не в замке, – развел руками и Марселино. – Он, как петъ закончил, рукой перед собой знак начертил, и образовался коридор. Светящийся. Прямо перед ним. Он туда шагнул и сказал только: «Я ее брат».

– Он сказал еще: «Она пришла». И все.

– Ничего не понимаю, – пробормотала я. – О святой Градусник! Да эту балладу он о своей сестре пел и о себе! Да, но почему? Почему нам?

Вбежали две горничные.

– Сто лет вас жду, распустехи! – рявкнула я. – Госпоже Оливии дурно! Помогите мне отнести ее в покои! И кто-нибудь потом сбегайте за Сюзанной! Она нужна мне немедленно! Парни, идите на кухню, и пусть вас как следует накормят и дадут вдоволь выпить чернохмельного. Маэстро...

– Я позабочусь о себе сам, не беспокойтесь, – замахал руками маэстро.

– Благодарю.

С помощью служанок мы отнесли Оливию в ее спальню. Сюзанна уже ждала нас там. Она помогла мне раздеть падчерицу и облачить ее в простую сорочку; почувствовав, что у Оливии жар, она принялась обтирать ее теплой водой с несколькими каплями уксуса и лимонного масла.

– Розы, ты иди и приготовь отвар из укрепляющих трав, я тебя учила, – велела она одной служанке. – А ты, Белинда, одевайся потеплее и бери двуколку – поедешь в Торренто за доктором Гренуалем. Торопитесь. Дело плохо.

Служанки вымелись из комнаты как две пылинки. Я посмотрела на Сюзанну.

– Мама, я ничего не понимаю, – проговорила я.

Да, Сюзанна – моя здешняя биологическая мать. Хотя начинала я жить в качестве сироты. Хм, запутанно получается. Но дело в том, что вообще я не с этой Планеты и даже не из этой вселенной. Вы же в курсе, что вселенных, как параллельных, так и перпендикулярных, бесконечное множество, и называется это Все Сущее. Так вот, моя родная планета называется Нимб, находится в антисингулярности, и там я являюсь старшей звездной принцессой, по имени Ай-Кеаль. Тамошняя вселенная находится в состоянии перманентной войны, и пока моя младшая сестра Ай-Серез оплакивала гибель нашей матери-королевы от лап продажных генералов, я струсила и ушла во вневекторное подпространство. Давайте я не буду вам объяснять, что это такое, а просто скажу, что прошла обратный цикл развития и человеческим эмбрионом внедрилась в чрево Сюзанны, напрочь забыв о своем звездном прошлом. Сюзанна тогда была молода и состояла в незаконной связи с Фигаро, который, естественно, тоже был молод и на тот момент состоял в браке. Вот тут и подселилась я. Сюзанна скрыла свою беременность от всех в замке и в метельный месяц февруарий отправилась рожать меня в заброшенную, промороженную часовню. Она не могла меня убить, она была полна любви и жалости, но также она не могла прийти с ребенком в замок, ведь женщину, родившую без мужа, по местному закону побивают камнями. Сюзанна закутала меня в пеленки и одеяла, положила в корзинку и оставила на пороге трактира «Рог и Единорог». Трактирщица умягчилась ко мне сердцем, а когда я достаточно подросла и проявила сообразительность не только в выливании помоев, мытье полов и пивных кружек, она решила отдать меня в девичий пансион при аббатстве Святого Сердца, что было с ее стороны серьезным актом милосердия. В пансионе я выросла адской хулиганкой, но и ума мне было не занимать, видимо, за эту гремучую смесь меня выбрал герцог и поэт Альбино Монтеessori в компаньонки к своей дочери Оливии. Оливия тоже оторва каких мало, так что здесь мы сошлись. Только раньше она страдала тяжелой врожденной болезнью, и великий поэт Альбино Монтеessori за человека ее не считал. Однако, когда в Кастелло ди ла Перла появилась компаньонка Люция Веронезе, все сильно изменилось. Во-первых, сама не подозревая о своем звездном начале, я сумела полностью исцелить Оливию от ее уродства. Кстати, с недавних пор мы обе вечны, и моя кровь способна оживлять, так что я довольно ценное существо для замка (герцог об этих способностях не знает, да я особо и не распространяюсь). Когда же замок оказался под угрозой продажи всяким галактическим риелторам и выходом было только бракосочетание с принцессой, я вовремя подсуежилась и женила герцога на себе. Чтоб сохранить замок. Ведь это не просто замок, а Абсолютный Ноль, точка пересечения множества пространств (на деле это практически незаметно, ну разве бочка для дровишек и синяя светящаяся плесень, которая тихо поет себе в уголке кладовой с моющими средствами). А с Сюзанной мы неукоснительно храним нашу тайну матери и

дочери. Не дай Исцелитель, папа Фигаро узнает! К тому же внебрачные роды – преступление без срока давности, и я не хочу гибели Сюзанны, я уж лучше всю нашу Старую Литанию термоядерной энергией из глаз выжгу, у меня энергии-то немерено, как светлой, так и темной...

Да, но что же моя милая Оливия? Сюзанна хлопочет над ней, но та стала вялой и гибкой, будто лишилась костей и спит!

– Мама, что с ней? – я ласково погладила падчерицу по лысине. – Девочка моя бедная, опять на нее какая-то болячка свалилась!

– Знаешь, доченька, – молвила Сюзанна. – Если бы ты не разубедила меня в том, что магия и волшебство существуют и действуют, я бы сказала, что это порча. Что на госпожу Оливию навели сильные сонные чары. Но поскольку ты прочла мне целый курс лекций о видах энергии, материи и этой... как ее...

– Теории относительности?

– Во-во. Какая тут теперь может быть магия. Сейчас одно могу сказать – девочка наша вроде как спит, но очень-очень глубоко. Оливия, милочка, проснись!

Сюзанна с наивозможнейшей деликатностью потрясла Оливию за плечико. Я, куда менее деликатно, похлопала ее по щекам. Бесполезно. Она лежала спокойно, жар, слава уксусу и лимонному маслу, спал; дыхание ее было глубоким и ровным, никаких судорог, метаний, бреда...

– Ваша светлость, – дверь приоткрылась, явив нам юную горничную Полетту и некую тень, маячившую за ней. – Прибыл мессер Гренуаль.

– Дотторе, прошу вас, – я подскочила к двери и распахнула ее. – Ситуация чрезвычайная.

Дотторе Гренуаль был человеком исполненным тела и посему неторопливым. Внеся в комнату свой исполинский живот и не менее исполинский саквояж, он достал белоснежный муслиновый платок также исполинского размера и с чувством высморкался. И лишь тогда изобразил галатнейший поклон:

– Герцогиня, счастлив видеть вас в добром здравии. Признаться, я полагал, что меня вызвали принимать новую жизнь, но...

– О нет. Нет, – я энергично замотала головой. – Здесь никто не беременен и уж точно не собирается рожать. Случай совершенно иной, непонятный, но от этого не менее опасный для здоровья. Пострадала моя падчерица Оливия. Вот взгляните.

Доктор поправил золотое пенсне на мясистом носу и склонился над ложем страдальцы. Понюхал ее дыхание, взял руку, принялся считать пульс.

– Так-так... Весьма-весьма... Что нам говорит анамнез...

– Да, – подхватила я. – Что в анамнезе, дотторе?

Медицинской терминологией меня не срубишь. Я даже могу прочесть, что они пишут в своих рецептах. Звездная принцесса я или доярка, в конце концов?

– Мня-мня-мня, – невразумительно замялся дотторе. – Скажите, ваша светлость, не страдала ли милая Оливия ипохондрией или, упаси Исцелитель, глубоко... глубоко скрытой, таксзть, латентной депрессией?

– Кто угодно, только не она! Оливия – сама радость, веселье и проказы! Она слишком юна для депрессии!

– Не скажите, отрочество – опасный возраст. Может быть, на людях она, мня-мня, вела себя адекватно, таксзть, пела, веселилась, а в одиночестве предавалась мрачным мыслям, суицидальным желаниям? Это, знаете ли...

– Знаю, – отрезала я. – Может, раньше у нее и были мрачные мысли. Когда она была одна. Но с тех пор как мы вдвоем, мрачные мысли у нас появляются только тогда, когда домоправитель снова меняет замки на винных погребах!

– Вы что же, пьете?! – отшатнулся доктор Гренуаль. – Спаси Исцелитель! В столь юном возрасте! И вы, герцогиня, вам же еще рожать наследников мессеру Альбино, а алкоголь негативно влияет...

– Рожать от Альбино? Я лучше сопьюсь, – тихо пробормотала я. Уж слишком крамольной была эта фраза. И продолжила: – Дотторе, я не понимаю, какое все это имеет отношение к тому, что моя падчерица погрузилась в глубокий сон. Убей святой Градусник, не пойму!

– Мня-мня, я предполагаю, но вообще-то лучше бы собрать консилиум, на худой конец, коллоквиум...

– Мне достаточно вашего мнения. Коллоквиум мне не прокормить.

– Ваша светлость, боюсь, юная герцогиня Оливия страдала глубоко скрытым, подавленным страхом, который находился в ее подсознании с самого детства, ведь она была, таксзть, калекой, уродом... И в некий момент особого эмоционального воздействия, например фрустрации, испуга, ужаса, ее подсознание вырвалось на свободу и стало управлять всем организмом. Как видите, она спит, но это не простой сон. Это летаргический сон.

– Вы уверены, дотторе?

– В медицине, ваша светлость, ни в чем нельзя быть уверенным, даже когда лечишь грибок ногтей. Лечишь грибок ногтей, а пациент вдруг помирает от сердечной недостаточности... Хм-хм, пардон, отвлекся... Вы пытались ее разбудить?

– Да, слегка хлопали по щекам и трясли за плечи.

– А вот так?

И наш деликатнейший дотторе ущипнул Оливию с такой силой, что на ее нежной коже мгновенно появился синяк.

– Вы что себе позволяете?! – приглушенно заорала я.

– Это было необходимо, – пробормотал доктор. – Она не реагирует. Дыхание ровное, конечности вялые, глазные яблоки не двигаются. Да, это не сопорозус. Это летаргия. Феноменально! Герцогиня, надеюсь, вы позволите мне ежечасно пребывать при вашей падчерице, ведь летаргический сон – явление

уникальное...

– А вам как раз надо писать магистерскую диссертацию...

– Академическую, ваша светлость.

– Так. Все ясно. То есть ничего не ясно. Как вывести Оливию из этого сна? Если уж ваши кошмарные щипки не помогают?

– В том-то и заключается уникальность летаргического состояния, что больной не реагирует ни на какие внешние раздражители. И если я возьму раскаленную кочергу...

– Она немедленно окажется у вас в анусе, дотторе. Я не потерплю никаких членовредительских экспериментов надо моей доч... падчерицей. Заявляю раз и навсегда.

– Я только хотел сказать, – обиженно пробубнил дотторе. – Что ваша падчерица может пребывать в этом сне не просто дни и недели, но месяцы и годы. Единственный описанный случай летаргического сна случился в Росском царстве. Там плотник упал с крыши и, не получив ни малейших повреждений, моментально погрузился в летаргический сон. Он проспал в больнице под наблюдением врачей двадцать два года, после чего проснулся и сказал: «Я все ваши речи слышал, похабники, а ответить не мог. Лучше б я помер», после чего действительно немедленно скончался.

– Как же он получал пищу и воду во сне, справлял нужду?

– Все исключительно при помощи каучуковых трубок, присоединенных к его желудку и интимным отверстиям.

Я поежилась.

– Значит, моя Оливия может пролежать двадцать два года во сне? Во сне будет расти, созревать, стареть?

– Увы... Возможно, меньше. Возможно, я найду способ пробудить вашу падчерицу ото сна. Я займусь этим лично и положу на это все силы.

– Надеюсь, дотторе, ваши слова не имеют двойного смысла. Насчет сил. Что ж, с этого момента вы – личный врач герцогов Монтессори. Прошу вас не покидать замка, разве что для покупки медикаментов и... ну, тех же зондов. Деньги вам немедленно выдаст домоправитель.

– Благодарю, ваша светлость. Большая честь, ваша светлость... А ваш супруг знает о постигшей его дочь болезни?

Я хлопнула себя по лбу:

– Дрын еловый, а о супруге-то я и забыла! Он нынче намеревался творить в гордом одиночестве, видно, придется нарушить его творческий полет. Сюзанна, дорогая, прошу вас, проводите доктора к Фигаро, дабы он получил аванс, и проследите, чтобы ему приготовили покои. Камин, ванна, белье, трехразовое питание, вино, закуски, вай-фай – ох, это не отсюда! – в общем, все как полагается в нашем старом добром замке. А я пойду навестить дражайшего супруга в его Скриптории.

Скрипторий находился как раз под винными погребами. Была я там только один раз, и то недолго, – это был как бы подарок моего супруга на медовый месяц: он позволил мне побывать в его святилище.

В святилище царили дикий холод, сумрак и такая тишина, что у меня скулы свело от какого-то первобытного ужаса – абсолютная тишина не царит ведь даже в космосе! Потому что космос – это не то, что вы о нем думаете и, как вам кажется, наблюдаете. Это Все Сущее, включая антиматерию. Она просто Антисущее. Вот как хотите, так и разбирайтесь в этом. А меня мессер Софус насчет сего просветил, и я склонна ему доверять.

Я поцеловала Оливию в кончик носа, пробормотав: «Я скоро вернусь, моя засранка», – и вышла в галерею, приказав горничной принести мне мой самый теплый меховой плащ, шапку и перчатки. Она нагнала меня на лестнице, ведущей в Скрипторий, получила легкий выговор за нерасторопность и похвалу за сообразительность – с собой она прихватила входящие в моду у местной знати российские валенки. Это очень теплая, практичная и красивая обувь, и кстати

дорогушая. За пару валенок эти россы дерут на рынке, как за фарфоровый сервиз из Яшмовой империи. Но сервиз зимой не греет, а вот валенки – да. Тем более что зимы в Старой Литании и сопредельных государствах становятся все суровее. Говорят, это какое-то глобальное похолодание на всей нашей Планете.

Утеплившись и взяв из держателя на стене масляный фонарь, я стала спускаться вниз. Скоро лицом я ощутила холод, а свет фонаря выхватывал узоры инея на облицованных темным гранитом стенах и ступенях. Мне казалось, что я спускаюсь в погребальный зал какого-нибудь древнего владыки и сейчас его забальзамированный и обмотанный саваном прах выскочит навстречу, потрясая костями и клацая челюстью. В иные мгновения этот образ вызвал бы у меня хохот, но сейчас, с учетом странной болезни, приключившейся с Оливией, мне было совсем не до смеха.

Наконец я очутилась в зале с колоннами – преддверии Скриптория. На полу, едва на него упал свет моей лампы, засверкали буквы из неизвестного минерала, вкрапленного в гранит: «Здесь никто никого не ждет». Это было правдой – гордыня, холодность и честолюбие герцога Альбино гнали от него всех, кто пытался к нему приблизиться с дружеской улыбкой. Этот человек уже при жизни стал гранитной статуей самому себе, и самым удивительным было то, как этот гранит мог исторгать, то есть писать стихи, исполненные тепла, любви, милосердия, доброты, верности – всех добродетелей, какие только может представить человечество. Я подозревала, что он болен особым заболеванием, в котором сознание человека разделяется на несколько независимых друг от друга личностей. Слышала я от мессера Софуса рассказ о парне из одной Солнечной системы, у которого было в теле двадцать три личности. Так что дивны дела твои, Все Сущее!

Но вернусь в зал. Несмотря на то что я была невероятно тепло одета, холод пронизал меня до костей, ибо изречение «Здесь никто никого не ждет» в данный момент утратило силу. Меня ждало Оно.

В моем теле тоже жили две личности – Люции Монтессори и принцессы Ай-Кеаль, но они прекрасно уживались и гармонично дополняли друг друга. Глаза Люции не смогли бы увидеть то, что видели сейчас глаза звездной принцессы. А видели они сгусток абсолютной антиматерии. Антисущее. Ученые, говаривал мессер Софус, все мозги себе поломали, гадая, как же антиматерия может существовать. Она ведь Антисущее! То есть постоянно самоуничтожается. То есть это абсурд, когнитивный диссонанс! Идите лесом со своим диссонансом,

кричали на физиков математики абстрактной алгебры; раз существует плюс бесконечность, значит, по закону равновесия всего в Сущем, есть и минус бесконечность! Вот там и мотается ваша антиматерия! Заткнитесь и считайте! Физики затыкались, глотали коньяк с мухоморами (тут я не очень поняла, в чем прелесть) и считали.

Сию антиматерию я и узрела в данный момент времени. Выглядело это жутко. Тем более что я решила – вот она щас как самоуничтожится и меня взрывной волной на элементарные частицы разнесет. И вообще, все, что можно, – на глюоны и бозоны, кванты и прочую плазму. Поэтому у меня включился инстинкт самосохранения Люции и голосом Люции я заорала:

– Стоять!!!

В этом колонном зале создан эффект квадрофонии. Мой вопль многократно отразился от мощных гранитных колонн, и, поскольку Оно находилось как раз в центре зала, жуткой силы звуковая волна четыре раза воздействовала на нее, словно заключив в непроницаемую звуковую клетку. И Оно сдалось, сникло и явило свой, скажем так, воспринимаемый облик. Оно оказалось дамой невыразительной внешности и корпулентности, непонятного возраста, с всклокоченными снежно-белыми волосами и ярко-алыми губами на бледном лице. Единственное, что придавало даме выразительность и индивидуальный шарм (как выразились бы галльцы), так это ее наряд. Вы же понимаете, мы, девочки, большое внимание уделяем тряпкам, и часто бывает, что роскошное платье или офигенный шарфик – это все, чем может похвастаться какая-нибудь кокеточка. Вот и дама, стоящая передо мной, была облачена в длинное, с огромным шлейфом и широкими рукавами платье черного-черного цвета, по которому, словно раскаленная лава из жерла вулкана, текли нестерпимо яркие сполохи и ленты. Из могильной глубины рукавов вырывались струи сверкающих искр, трещащих и шипевших, как потешные огни, столь популярные в Яшмовой империи. Воротник платья напоминал гало, словом, напротив меня стояла в прямом смысле сияющая женщина. Это раздражало, как всегда раздражают дешевые спецэффекты. Как будто я деревенская девочка, которой впервые показали фейерверк. Хотелось сказать пакость, и я не стала себя сдерживать.

– Сударыня, – с наивозможнейшей язвительностью промолвила я. – Пригасите огни. Ваше дешевое световое шоу здесь никого не удивит и уж тем более не напугает. Сами не дураки плазмой из ушей постреливать.

– Как?! – ненатурально удивилась дамочка. – Ты видишь меня и при этом остаешься в живых?!

– Легко. Надеюсь, вы тоже меня видите.

– Но... Ты же просто человек.

– Не просто. Я хозяйка этого замка. Мое имя Люция Монтессори. И я крайне не люблю гостей, которые являются без приглашения, напускают на себя вульгарную таинственность и невоспитанны до того, что даже не называют своего имени.

– Мое имя – смерть, страх, разрушение и тлен!

– Ух ты! Длинное вы себе взяли имечко! А как вас можно именовать в сокращенном варианте? ССРат? Какое-то убогое имя. И даже, извините, неприлично пахнет. Ох! Уж не приходите ли вы родственницей некоему Вржику Джбржбж... Не могу произнести, уж извините.

– Да! – гордо ответствовала Срат. – Это мой брат. Но настоящее его имя – Ужас, приходящий пред Смертью.

– Также сократим, люблю аббревиатуры... УППС. Упс! Отличное имечко! Ваш Упс, знаете ли, натворил у нас делов и смылся, не заплативши за питание, проживание и три бочки пены для ванны. Это, знаете ли, как-то некрасиво даже по галактическим меркам. Кто вас с братом воспитывал, мадам Срат?

– Нас воспитала Злоба, нас вскормила Мечь! И меня зовут не Срат! – завопила дамочка, отчего ее уровень светимости резко понизился. Видимо, у нее были сложности с поддержанием обычного энергетического уровня.

– Ну так назовитесь, – мирно предложила я. – И я буду к вам относиться более толерантно. Может быть, даже угощу чайком. Падчерица моя как раз намедни ложные опята кипятком залила, хочет узнать, какое воздействие настоей окажет на ее молодой цветущий организм. Я, конечно, это безобразие у нее немедля изъяла, но сохранила на всякий случай, вот случай и подвернулся...

– Не надо мне вашего чаю!

– И правильно. Давайте останемся хорошими врагами. И прежде, чем вы испаритесь, я бы хотела задать вам несколько вопросов.

– Это почему я вдруг испарюсь?

– Сударыня, здесь вопросы задаю я. Ибо я – хозяйка поместья. И я знаю, чем является мое поместье с точки зрения Теории Всего.

– О, ты знаешь о Теории Всего? Ты не просто девчонка, как я сперва подумала.

– Правильно подумали, Срат.

– Я не Срат!!!

– Так назовите ваше имя, – я улыбнулась, искренне надеясь, что моя улыбка выглядит как минимум чудовищно.

– Когда я была человеком, я звалась Хелена, – словно выплонула это имя моя, так сказать, собеседница. Видимо, память о своей человеческой сути была ей ненавистна, как ненавистна богачу память о том, что он когда-то был босоногим мальчишкой, чистил богатым господам обувь, а в ответ получал презрение и жалкие медяки.

– Очень приятно, Хелена, – я продолжала держать улыбочку. – Мое имя Люция, как вы уже слышали. А Вржик – это настоящее имя вашего брата или творческий псевдоним?

– Когда он был человеком, его звали Вроцлав, – в голосе Хелены вдруг мелькнула некая грусть. – Мы были самыми несчастными людьми, и я рада, что смогла изменить нас и наши судьбы...

– Ваш брат спел нам длинную и очень грустную балладу... Она правдива?

– От первого до последнего слова.

– И вы вправду так любили того поэта, что отправились служить какой-то ведьме?

– Не какой-то! Борилла Симулен была величайшей ведьмой всех миров. Ее жилище являлось Абсолютным Нулем, и Борилла познала магию всех миров, всех вселенных, всех измерений. А потом она передала все свое знание мне. Теперь я – великая ведьма, стоящая против Всего Сущего.

– Ведьмы? Магия? Эти пугающие словечки придумали для тех, кто не разбирается в абстрактной алгебре и квантово-глюонной теории. Магии не существует, существует теория струн, вневекторное подпространство и фракталы. Ну и еще всякая физико-химическая мелочовка. И вы не ведьма. Да, человеческого в вас практически не осталось, разве что ненависть. И женского, конечно. Но я вижу, что вы представляете в моей реальности. Вы черная дыра, уважаемая Хелена, бич всех астрономов, пытающихся постичь суть сего космического явления. Вы поглощаете Сущее и распространяете Антисущее. Вы действительно смерть. Сколько галактик, солнечных систем, звезд и планет вы поглотили в вашей безграничной ненависти? И за что, за то, что какой-то жалкий поэтишка отверг вашу любовь?

– Он не жалкий поэтишка, – молвила Хелена. Оказывается, она тоже умеет чудовищно улыбаться. При этом видно, что внутри у нее клубится черно-багровое пламя. – Он величайший поэт всех миров, времен и пространств. На этой Планете он славится под именем Альбино Монтеessori.

– Вот как? Но, насколько мне известно жизнеописание моего дражайшего супруга, он в своей жизни не отвергал никакой деревенской девушки, да еще по имени Хелена.

– Он не отвергал. Но вспомните мое проклятье. Вспомните слова баллады:

И так будет всякому поэту,

Кто кого-то предал, иль обидел,

Иль нарушил собственную клятву!

Разве мессер Альбино не предал, не обидел собственную дочь? Вспомните: когда она устроила детскую шалость, ее по его приказу пороли три дня подряд, а

когда у нее приключилась горячка, не пускал к ней никого... Чтоб она скорее умерла. Ведь она родилась калекой. Уродом. Ему не нужна была такая наследница. Она и теперь ему не нужна, он планировал получить наследника от тебя, Люция. И избавиться от Оливии. Что ж, ему уже больше не нужно заботиться ни о наследнике, ни о стихах, ни о славе...

– Ты убила его?!

– Он умер еще тогда, когда дрался на дуэли со своим домоправителем Фигаро. Во многих мирах Фигаро не остановился и проткнул его эспадроном, как жука протыкают булавкой. Так что я просто завершила дуэль.

– Дрын еловый, что же это, поэт Альбино Монтессори мертв? Как я это объясню его поклонникам, его издателям?

– Его убила злая ведьма, – засмеялась Хелена, пуская изо рта язычки пламени. – В твоём мире верят в ведьм и магию. А вот за одно упоминание о квантово-глюонной теории или черной дыре тебя просто сожгут на костре как соучастницу ведьмы.

– От песни твоего брата пострадала моя падчерица, – резко сказала я. – Она-то в чем виновата?

– Она не испытывает никакого страдания, она просто спит. И не пытайся ее разбудить, ведь ее мозг не выдержал той истины, что ей открылась. На миг. Как иллюстрация к песне.

– Какой истины?

– Она увидела, что я, как я вошла в комнату ее отца и что произошло. Что вообще происходило в тот же момент во всех мирах со всеми Альбино Монтессори, ты же слышала о поливариантности и многомерности.

– Да... И во всех мирах Оливия погрузилась в летаргический сон?

– Разумеется. Пожалей ее. Не надо искусственно кормить и поить ее, в этом сне она мирно, безболезненно умрет. Ты оплачешь ее и станешь полноправной

хозяйкой поместья. Потом даже найдешь себе мужа – какого захочешь. Все прекрасно, зло наказано.

– Ничего не прекрасно. Ты не учла моего мнения по этому поводу. Даже по поводу мессера Альбино. Да, он подлец, хладнокровный мерзавец и самовлюбленный болван, но нельзя вот так являться и творить свою волю!

– Почему, если я сильна? Ваша Планетка, она же превратилась в пустыню, когда двести тысяч лет назад здешнее человечество устроило атомную войну. И остатки этого самого человечества потом активно поедали гигантские бабочки и жучки-мутанты. А позже пролетающий мимо беспилотный поисковый космический лайнер отправил на Планету спасательный дроид – стандартная операция космических беспилотников, которых и запускают-то для поиска и спасения органической жизни. По всем вневекторным подпространствам запускают. Дроид и начал возрождать Планету, чистить воздух и воду, дезактивировать пространство, реанимировать подыхающих людей, которые объявили его святым Исцелителем, унявшим агрессию насекомых-исполинов и принудившим ставших разумными жуков и тараканов заключить с людьми мирный договор. Дроид никого не спрашивал, нужны его работы или пусть саранча доест последних людей на Планете. Дроид стал вашей судьбой. Вот и я – судьба рода Монтессори. Кстати, ты должна знать, что на всех языках всех пространств слово «судьба» означает и «суд». Я свершила свой суд. Полностью.

– Что же ты теперь будешь делать? – механически произнесла я. Губы не слушались. Я чувствовала, что распадаюсь, превращаюсь в набор молекулярных решеток, которые, в свою очередь, взрываются, и свободные молекулы взрываются тоже. Мне едва хватало сил держать себя.

– Делать? – Оно затягивало в свою минус-бесконечную тьму. – Это понятие ко мне неприменимо. – И ты ничего не делай, просто иди ко мне.

Я увидела, как пальцы моей левой руки уже не пальцы, а молекулярная россыпь. Я закричала, я заставила себя сдвинуться с места и удариться всем телом о раскаленную докрасна гранитную колонну. Да, все вокруг раскалилось, и гранит дымился. Одежда на мне запылала, и это меня спасло. Боль, боль, боль – это невероятное счастье ощущения собственного бытия. Кричи от боли, Люция, кричи!

Полуослепшая, я ринулась прочь из зала, гонимая пламенем и тихим смехом, в котором звучали слова:

– Понадоблюсь – позови...

Глава вторая

Ужас

Спасибо маме Сюзанне, она наградила меня мощным голосом. На мой безумный вопль сбежалось без малого все население замка. Увидев меня на пороге Скриптория, в обуглившейся одежде, обожженную, вопящую, слуги, слава им, не растерялись. Они решили, что герцог Монтессори, известный своим человеколюбием, поджег меня, нарушившую запрет переступить порог Скриптория. Группа под предводительством Сюзанны быстро и осторожно подняла меня и понесла в покои, по дороге выкрикивая подсказывающим волонтерам, что нужно для моего оживления. Группа под предводительством Фигаро кинулась в Скрипторий проверить не поджег ли герцог и себя, но на пороге зала с колоннами поразились тому, что зал покрыт инеем, нет никакого запаха дыма и в комнате герцога стоит пугающая тишина.

– Мессер Фигаро, – молвили бесстрашные вассалы моего супруга. – А вдруг с его светлостью что-то случилось в кабинете? Вдруг там возник пожар, ее светлость выбралась, но дверь заклинило и...

– Нужно просто войти в кабинет герцога, – сказал Фигаро.

– За это положена немедленная смерть, – проговорил кто-то. – Раз уж он собственную жену не пожалел...

– Это все бабья болтовня, – резко сказал Фигаро. – Кто войдет в кабинет? Вместе со мной, разумеется.

Наступило стыдливое молчание сильных мужчин, которым не к лицу трусость, но не в этом случае.

– Понятно, – бросил Фигаро. – Пойду один. И если его светлость жив, я посоветую ему всех вас уволить, дармоеды. У кого с собой есть оружие? Желательно эскадрон или шпага.

– Возьмите эскадрон моего господина, – подал ломкий голосок тринадцатилетний оруженосец рыцаря, который в данный момент укрывался в уборной, изображая ужасную кишечную активность.

– Спасибо, мальчик, – сказал Фигаро.

– И... Я пойду с вами, – решился оруженосец.

– Как твое имя? – осведомился Фигаро.

– Ливий Лемонти, мессер домоправитель.

– Назначаю тебя моим помощником и командором замковой охраны. Охрану наберем новую. Если останемся живы.

– Да, мессер Фигаро.

– Идемте, мессер Ливий.

И Фигаро чуть ли не строевым шагом пошел к двери кабинета, а за ним шел, полыхая ушами от гордости, новый командор охраны тринадцати лет от роду.

И вот свершилось. Фигаро распахнул дверь, которую запрещено было открывать всему миру. Даже смерть, обычная, естественная смерть, случающаяся с каждым человеком на этой Планете, наверное, замерла бы перед этой дверью, дрожа от непонятного страха. Но черная дыра, когда-то носившая имя Хелена, не боялась ничего и никого, разве только самой себя.

Великий поэт Альбино Монтессори сидел за своим рабочим столом, прямой как стрела. Но осанка – это, пожалуй, все, что осталось опознаваемым в нем. Тело поэта – и выше стола, и ниже – было сплошь покрыто массой отвратительных белесых червей. Собственно, тела уже не было – черви с непрерывной

свирепостью глодали его кости, внутренности, высыпались через ребра, опустошали череп. Даже одежда была изглодана – кроме золотых пуговиц камзола да заколки, что держалась на остатках волос.

– Крепись, дитя, – не своим голосом приказал Фигаро Ливию, когда тот издал рвотный всхлип. – Скорей выйди и глубоко дыши.

Ливий оказался сильным мальчиком. Он вышел из кабинета с лицом блее мела, несколько раз глубоко вздохнул.

– Что? – кинулись к нему вассалы, чувствующие стыд и вину за свою трусость, особенно перед мальчишкой.

Ливий еще несколько раз глубоко вздохнул и хотел было заговорить, но тут из кабинета вышел Фигаро и закрыл за собой дверь. И тут все поняли, что дело неладно – при этом из кабинета вырвалась такая волна смрада, что многие закаленные рыцари оказались слабее желудком, чем мальчик Ливий, – их тут же вырвало.

– Стыдитесь, – укорил их Фигаро. – Мессеры! Я должен сообщить вам скорбное известие. Наш господин, герцог Альбино Монтессори, сюзерен Кастелло ди ла Перла, величайший поэт нашего времени, скончался. Обстоятельства смерти непонятны.

– Его убили? Может быть, его убила жена?

– Не думаю. Скорее, его поразила десница судьбы. Тело его находится в ужаснейшем состоянии, и это зрелище смогут выдержать только самые крепкие из вас. Мне необходимы помощники, которые помогут собрать все, что осталось от тела его светлости, и поместить... Здесь нужен сундук, сплошь окованный железом. Мессер Ливий, я поручаю вам отправиться к слугам и приказать им принести такой сундук. Найдите Патриццо, он держит ключи от кладовых и рухольных, он быстро найдет все необходимое. Еще нам понадобятся кожаные фартуки и перчатки, два совка для угля и несколько скребков, которыми пользуются поломойки.

– Но что произошло? – крикнул какой-то тугодум.

– Сударь, прошу вас сопроводить мессера Ливия. Возвращаться вам необязательно. С вашими тугими мозгами вы нам вряд ли пригодитесь. На дуэль вызовете меня позже. Но не советую. Не до этого.

Бедный рыцарь-тугодум, скорее всего, и не помышлял о дуэли – лицо Фигаро не предвещало ничего хорошего в ближайшие десять лет как минимум. К слову сказать, рыцарь сей попросил расчет, едва прошли положенные дни траура. Впрочем, тогда многое стало меняться в Кастелло ди ла Перла...

Фигаро из недоумевающей и довольно жалкой толпы оставшихся с ним вассалов отобрал пятерку самых крепких, а остальным посоветовал идти за полировальной жидкостью для парадных доспехов – грядущие похороны великого герцога должны сопровождаться прилично облаченной гвардией замка, а не разгильдяями, у которых из-под лат торчат солидные пивные животы.

Командор Ливий не подвел – он оперативно нашел Патриццо и, не посвящая его ни в какие страшные новости, заполучил сундук, в который могли поместиться два русских медведя, а не то что бранные останки герцога; кожаные фартуки, которыми в основном пользовались кузнецы, и кожаные же перчатки. Совками, скребками и даже несколькими щетками для чистки одежды скорбную команду снабдила старшая горничная. Шепотки и слухи по замку при этом поползли один страшней другого, но что могло быть страшней смерти герцога? Тем более что герцогиня, получив страшные ожоги всего тела и потеряв три пальца на левой руке, впала от боли в бессознательное состояние. Сюзанна с верными служанками поместили ее в ванну с почти ледяной водой – благо во дворе было предостаточно снега и льда. Немедленно были приготовлены отвары целебных трав и корней и в них лежали, пропитываясь, бинты из тончайшего шелка из Яшмовой империи – Сюзанна не пожалела эту драгоценную ткань, ибо только ее, почти невесомую, можно было прикладывать к огромным багровым волдырям, почти сплошь покрывавшим тело Люции.

Но вернемся к Фигаро и его подручным. Когда они вслед за ним вошли в жуткую комнату, то рвотные позывы сдержали, а вот приглушенных воплей не смог сдержать никто, даже Фигаро, который видел все уже во второй раз.

Черви почти закончили свою работу, и от Альбино Монтессори остался мраморной белизны скелет, где кости чудом держались на каких-то остатках связок.

– Что ж, мессеры, сделаем свою работу, – сказал Фигаро, натянул перчатки и первым подошел к скелету. Однако едва он коснулся черепа, скелет с противным стуком осыпался на сиденье кресла и частично на пол. Череп, когда-то содержащий в себе самый поэтический и жестокий мозг, упал на стол меж костяшек пальцев.

Останки герцога, те обрывки одежды и украшения, что были на нем, и червей – всех до единого – аккуратно поместили в сундук. Фигаро взял со стола недопитую бутылку крепкого мадьярского рома, пропитал им стопку листов веленовой бумаги, на которой имел обыкновение творить герцог, и положил поверх останков, надеясь тем убить червей – разжиревших, смрадных, неповоротливых.

Крышку опустили, и сундук защелкнули на шесть кованых застезек. Его медленно вынесли из кабинета. Фигаро задул свечи, все еще освещавшие стол поэта, осмотрелся и вышел из налившейся тьмой комнаты, крепко захлопнув за собой дверь.

Сундук принесли в главный зал замка, где уже столпились все гости, слуги, вассалы, даже наемные рабочие, которые устраивали в замке новейшее изобретение – водопровод. Сундук водрузили на огромный дубовый стол, за которым в более светлые времена сиживали сиятельные и не очень гости и нахлебники герцога. Слышались тихие перешептывания, вздохи и всхлипы. Всем уже было ясно, что дело худо. Фигаро призвал к тишине и заговорил:

– Мне выпала скорбная честь сообщить всем вам, что его светлость скончался.

– Ах... – пролетело по группкам людей. Но в этом тихом «ах» было лишь подтверждение того, о чем уже догадались.

– Как это произошло? – спросила старшая горничная. – Его светлость сгорел?

– Нет, – ответил Фигаро. – Происшедшее выше человеческого понимания и обычной смерти. Герцога коснулась десница судьбы.

– Возможно, герцога в его кабинете поджидал убийца, который как-то прокрался в замок?!

– Нет. – Тон Фигаро был холоден, как могильный гранит. – Я не знаю, что убило герцога, но знаю, ибо видел собственными глазами, во что превратилось его тело.

– Во что?! – истерический женский вопль.

– Когда я впервые вошел в кабинет герцога, его плоть пожирали черви. Они обглодали его до скелета. Поэтому нам пришлось взять сундук, чтобы поместить в него останки и тех отвратительных созданий, которые...

– Черви? О небо, мне дурно!

– Это колдовство!

– На герцога напустили порчу его враги и завистники!

– Да-да, это колдовство!

– Но кто мог так ненавидеть герцога, чтобы совершить такое злодейство?!

– Это его жена! Она колдунья! Она никогда не любила его, наглая, вульгарная, дерзкая девчонка! Говорят, она спускалась в подвал к герцогу – для чего? Тем более что он настрого запрещал беспокоить его! Она навела на него смерть и порчу, а он, умирая, поджег ее свечами, вот она и вернулась в ожогах!

– Колдунья!

– Ведьма!

– Замок проклят!

– Надо бежать!

– Спасайтесь кто может!

– Карету мне, карету!

– И пинту валокордину пополам с пивом!!!

– Тихо! – возвысил голос Фигаро. – Гибель его светлости действительно окутана тайной, и, полагаю, сам король, получив печальное известие, назначит следователя для рассмотрения сего вопроса. Поэтому я прошу всех вас вспомнить и изложить письменно, что происходило в этот день, возможно, вы что-то видели или слышали. Королевскому следователю потребуются свидетели. Я пошлю письмо его величеству немедленно. Похороны будут отложены до окончательного решения королевского следователя по этому вопросу. Этот сундук будет пока поставлен в фамильном склепе Монтессори. До приезда следователя никому замка не покидать. Быть может, убийца находится среди нас. Дамы, прекратите визжать. А теперь прошу всех заниматься своими делами. Я и мои помощники перенесем останки в склеп. Хорошо, что стоят морозы.

– Но там же скелет!

– И... насекомые, не забывайте. Будет лучше, если они умрут, а не прогрызут сундук и расползутся...

– О нет!

– Ах! Ах!

– У меня все, дамы и господа. Все свободны. Кстати, где экономисса Сюзанна?

– Она с герцогиней.

– Да-да, конечно. Я зайду к ним позже. Да что вы стоите? Я никого не задерживаю.

Вот тут оно и пришло – понимание, что герцог Монтессори действительно умер и дальше в замке пойдет совсем другая жизнь. Если вообще это можно будет назвать жизнью.

Фигаро в сопровождении командора Ливия еще раз спустился в Скрипторий и опечатал кабинет, оставив в нем все как было. Затем ему пришлось переодеться в траурное облачение и дать приказания: портнихам – шить траурные одежды для гостей и челяди, горничным – проверить сохранность траурных покрывал на мебель, скатертей, портьер и лент на замковые знамена. Началась хоть и тихая, но суeta и шебуршание спешащих ног по замку, а это всегда означает какую-никакую жизнь. Фигаро, понимая, что Сюзанна занята у ложа герцогини Люции, спустился и в кухню и отдал распоряжение приготовить обильный обед для гостей – как правило, весть о чьей-либо смерти вызывает желание самому почувствовать вкус жизни, и ежели при сем будет присутствовать вкус копченых свиных ребрышек, кровяных колбас с приправами, сыров, жирных супов – никто никого не осудит. Покойнику-то уже все равно, а людям, которым предстоят похороны и прочие малоприятные события, надо вдвойне поддерживать свой организм.

Обед подали раньше, и все трапезничающие не обсуждали горестную тему, а говорили о событиях незначительных, вроде метели, или вообще помалкивали, и лишь позвякивание вилок и ложек о фарфор и серебро звучали за столом, где главное кресло отныне стояло пустым и было покрыто полотном черного штапеля.

А теперь давайте вернемся в мои покои, где я, Люция Монтессори, вдова величайшего поэта, лежу, напоминая обгоревшую сосиску и не реагируя на всхлюпы (а что, хорошее и, главное, точно отражающее суть ситуации словечко!) камеристок и даже милой мамы Сюзанны. Они прикладывают к моим ожогам примочки и компрессы, но так как я не реагирую на внешние раздражители, они полагают, что я где-то в полшаге от фамильного склепа и дубового гроба с атласной обивкой изнутри. Ах, милые! Ах, мама Сюзанна! Вы глубоко, глубоко заблуждаетесь! Я в полшаге, это верно, но от полного исцеления. Просто мне нужно быть сосредоточенной и извлечь из себя целящую силу звездной половины своей крови. Я словно живой росток, спрятанный внутри умершей оболочки зерна. Я возрождаю, выстраиваю себя изнутри. Конечно, это непросто, ведь раньше я этого никогда не делала, я действую наугад, наобум, поэтому приходится нелегко. Ничего, я справлюсь, вот только трескотня служанок и рыдания Сюзанны проникают даже через самые глубокие слои моего сознания. Тут с пептидными цепочками не знаешь, как разобраться, и три новых пальца на левой руке я вырастить не смогу: во-первых, не получается воссоздать их матричную молекулярную решетку, а во-вторых, тут уж меня точнехонько объявят ведьмой – как это у меня три пальца выросли взамен утеранных? Святая Юстиция аж обезумеет от радости, и допроса с такими милыми аксессуарами,

как дыба, колесо, расплавленный свинец, мне просто не миновать. Придется оставаться калекой. Ну и что? В первой части моей истории калекой была Оливия, теперь калекой побуду я.

А вот то, что его светлость помер, конечно, большая неприятность. Человек он известный, богатый, в высокие круги вхожий, так что королевского расследования не миновать. А значит, мне придется лишь слегка подлатать снаружи свои раны, дабы у следователя (а он наверняка прибудет со дня на день!) не возникли подозрения: что это безутешная вдовица вся такая с бодрым видом скачет по замку? Как это ужасные ее раны залечились с такой скоростью? Ей вообще бы помереть полагалось, поскольку площадь ожогов ажно восемьдесят процентов? И следователь начнет копать и суетиться, а вот это не весьма мне подходяще. Ибо объяви я себя вечной принцессой с планеты Нимб, опять-таки возьмется за меня Святая Юстиция всеми жвалами, лапами, присосками, цеплялками и что там еще у этих инсектоидов бывает. А так я вроде как больная, в полном бессознании, к допросам непригодная, жалкая, убогая и без косметики. Да, но вот как там Оливия моя милая? Бросили ее на этого дотторе Гренуаля, а вдруг он ее так залечит, что потом просто беда? Прикончить-то он ее не прикончит, мы же вечные, и это тоже может навести его на подозрения: я ее лечу-лечу, а она все не помирает. Ох! Разыгралась у меня паранойя, аж правая лопатка чешется. Как бы знак подать Сюзанне, чтобы она прочих доброхотов вытурила, дверь накрепко заперла и со мной осталась пошептаться? Вот ведь глобальная проблема. И лопатка чешется – просто кошма-а-ар какой-то!

Я утробно застонала, демонстрируя окружающим свое частичное возвращение к жизни. Сюзанна немедленно вытолкала в дверь всех своих помощниц и велела им идти готовить специальный травяной мусс от ожогов. Все-таки моя здешняя мамочка очень догадлива!

Когда Сюзанна захлопнула дверь за последней служанкой, дважды проверила, что никто не толчется с той стороны на пороге с подслушивающим устройством типа «ухо женское обыкновенное», я позволила себе еще один чахлый стон. Сюзанна немедленно склонилась надо мной:

– Ваша светлость... Девочка моя...

– Мы точно одни?

– Да.

– Тогда я сяду. Ох! Мама, умоляю, почеси мне правую лопатку, иначе я буду чесаться о столбики кровати, как запаршивевшая свинка.

– Свинка ты моя! – мама Сюзанна принялась плакать и почесывать мне лопатку. Ой, как приятно. Не то, что мама плачет, вы же понимаете. – Ты же почти мертвая была.

– Мамань, «почти» – это в моем случае ключевое слово. Пожалуйста, не плачь! Ты же помнишь, что я у тебя непростая дочка.

– Помню, помню, но когда я увидела твои ожоги...

– Да, поначалу мне было очень больно. Потом твои компрессы сняли острую боль, я пришла в себя, но не показывала виду. Мне нужны были внутренние силы, чтобы восстанавливать себя. И я потихонечку восстановилась, так что внутри я полностью здорова. А вот снаружи мне придется пока побыть такой – ты же понимаешь, мое быстрое исцеление наведет на нехорошие мысли о том, что я ведьма. Или ты ведьма.

– Да-да, конечно. Но что мне делать?

– Давай так. Сейчас я официально очнусь и слабым голосом попрошу у тебя воды. Ты будешь продолжать мое лечение в плане бинтов и муссов, я буду валяться в постели, вся такая жалкая и чахлая. Пусть доктор Гренуаль придет и изречет что-нибудь мудрое по поводу моего состояния. Ну, вроде как я вот-вот умру, но за жизнь еще цепляюсь. Мама, тебе вот трудно: и Оливия лежит, и я... И наверняка все шепчутся о порче и проклятии. Но ты знай, что это все фигня, я здорова, просто симулирую, так что прошу – будь побольше с Оливией. Как вывести ее из сна, я еще не придумала. А вообще пусть поспит. Сейчас в замке наступает не самое лучшее время; Фигаро ведь уже отправил курьера с письмом к его величеству?

– Да.

– Значит, надо ждать неприятных гостей. Или гостя. Дороги сильно замело?

– Очень, и никто их не чистит.

– Это можно понять – мы все так убиты горем, до чистки ли снега нам...

– Доченька...

– Да, родная.

– Все-таки я не понимаю, кто это сотворил.

– Я тебе потом объясню как-нибудь, ладно? А сейчас иди, говори, что я очнулась, но очень-очень слаба. И узнай, как там дела у Оливии.

– Хорошо. Больше пока ничего?

– Большой-большой поднос с оливье и твой невероятный компот из сухофруктов. Но мне ж нельзя.

– Ладно, отдыхай. Это будет попозже, как-нибудь ухитрюсь.

– Спасибо. Мама!

– Что?

– Я тебя очень-очень люблю.

– И я тебя.

Сюзанна вышла, и некоторое время я была предоставлена самой себе и возможности разглядывать лепнину на потолке. Лепнина помогала мне не заснуть, а трезво обдумывать ситуацию, в которую попала я и население замка в целом.

Ситуация имела диалектическую структуру. То бишь, с одной стороны, вообще кошмар, а с другой – ничего, выживем, солнцу улыбнемся. Это как война – просто надо воевать, враг пришел, свершилось, теперь куй победу, иди до

конца. Я смогу. У меня до этого конца целая бесконечность.

Глава третья

Столичные штучки с юридическим уклоном

Понятное дело, смерть великого поэта повергла короля Старой Литании в глубочайшую скорбь. Тем паче такая внезапная и загадочная. Король только-только намыливался заказать Альбино парочку венков сонетов к юбилею своей коронации, а тут на тебе – венки полагаются уже самому мастеру слова.

Тяжелая весть, будучи тайной, немедля разлетелась по стране и благополучно просочилась за рубежи вместе со спешными шпионскими докладами и обычной диппочтой. К утру четвертого дня с момента смерти Альбино я, лежа в своей парадной спальне, принимала почту – примерно два здоровенных мешка писем с выражением соболезнований по поводу и тэдэ. Были и другие письма – я их немедля рвала и сплавляла в камин, в этом мне помогала верная Полетта, ставшая просто незаменимой (Сюзанне я велела уделять больше внимания Оливии и в целом присматривать за замком). Но о письмах. В них говорилось, что я ведьма, тварь, прикончившая своим колдовством гения, что я никогда его не любила (это правда), что поклонницы его имени и творчества проклинают меня самыми черными проклятиями. Не то чтобы эти письма меня эмоционально задевали. Просто они могли оказаться уликой для Святой Юстиции. Впрочем, там наверняка уже столы ломаются от доносов на герцогиню Люцию Монтессори. В некоторых письмах содержались засушенные экскременты – этаким намек на то, кто я и где мне место. Такие письма Полетта совала в ведро для угля.

– Ваша светлость...

– Да, милая.

– Уже время к полднику, а мы и половины первого мешка не разобрали. Ужас как много этих писем!

– Ну, покойный был великим поэтом, его стихи многие любили и любят. Ценят.

– А вы? – требовательно взглянула на меня Полетта. – Вы любили?

– Стихи?

– Герцога.

– Полетта, это уже не имеет значения. Свой долг я исполняла как нужно. А стихи у него прекрасные. Можно сказать, непревзойденные никем.

– А мне его стихи не нравились, – вдруг отрезала Полетта.

– Почему?

– Он в них лгал. В каждой строчке. Если человек не живет так, как он пишет, стоит ли доверять тому, что он написал?

– О-о-о, это непростой вопрос о творчестве и творце! Полетта, я рада такому вопросу, но не готова к нему. Когда башка замотана бинтами, не очень-то удобно рассуждать об отвлеченных материях. Давай просто прервемся на чай с печеньями, наверняка на кухне можно что-нибудь нарыть.

– Нарыть?! Ваша светлость, вы иногда изъясняетесь прямо как барышня Оливия.

– Ну, я же ее мачеха.

– Вы ее любите?

– Сама как думаешь?

– Думаю, что вы ей не мачеха, а лучшая подруга, какая только может быть! И я знаю, что это вы исцелили ее, а вовсе не этот... с лапами... Священный Жук.

– Полетта, ты с этим не очень. За такое бывают доносы.

– А я все равно... Потому что я вам верю. В вас верю.

– Полетта... Ну вот, а реветь-то зачем...

– Все, я уже не ревью, то есть не реву, я пойду за чаем и медовыми коврижками. Их уже должны испечь.

– А-ах! А мы тут! А они там!!! Коврижки! Без нас!!! Беги скорей и без полного подноса не возвращайся! И сыру возьми, самого острого и соленого! И чай нам сделай покрепче!

Полетта умчалась, я соскользнула с кровати гибкой змеей (я здорова, я чудо Всего Сущего, помните?), подхватила первый мешок с письмами и сунула его в камин. Огонь немедля зачих, но я струйкой плазмы из левого глаза испепелила пустые бумажки вмиг. Следом отправился и второй мешок (камины в замке просто огромные), и его постигла та же участь. Хватит марать руки об эту ерунду! Кстати, их надо как следует продезинфицировать...

Только вот одно письмо не сгорело. Оно, словно почтовый голубь, нежно порхнуло к моим ногам.

– Вот упрямое! – я взяла письмо в руки. Раз уж оно спаслось из плазменной атаки, то достойно того, чтобы я его прочла.

Внутри письма оказался плотный лист веленовой бумаги и на нем всего одно предложение:

Я знаю, кто ты.

Ни подписи, ни адреса неизвестный или неизвестная не оставили, как водится.

– Что ж, знаешь так знаешь, – я раскалила ладонь левой руки докрасна и смотрела, как письмо на нем становится белесым пеплом. – Знание, говорят, сила.

Вот за этим и застала меня Полетта, вбежавшая в комнату с сервировочным столиком.

Краем глаза я увидела, какое белое у нее стало лицо. Немудрено. Моя раскаленная ладонь выглядела, прямо скажем, неестественно и жутковато. Я немедленно вернула ей прежний вид и сказала:

– Полетта, сохраняй спокойствие. Придется тебя... посвятить в свою тайну. Запри за собой дверь. И прекрати бояться, я тебя не трону.

– В-ва... В-ва...

Я указала ей на банкетку перед туалетным столиком:

– Сядь.

Она села и замерла, как суслик перед пастью лисицы. Вот бедолага. Ступор сопорозус, как сказал бы дотторе Гренуаль.

Я начала мягко:

– Дорогая Полетта, девочка моя. Несколько минут назад ты сама сказала, что веришь мне. Что понимаешь – это я сумела исцелить герцогиню Оливию. Но это совершенно не означает, что я ведьма. Я могу поклясться тебе здоровьем моей дорогой Оливии, что я не ведьма.

С Полеттой произошло невероятное – она тут же успокоилась, вздохнула и сказала:

– Ой, ну слава Исцелителю, тогда я сервирую чай.

И принялась хлопотать, разрезая коврижки (аромат!!!) и наливая в чашки чай с лимонником.

Тут уж я чуть не села от изумления:

– Полетта, как, а ты не хочешь узнать, кто я, ну, на самом деле? Если я не ведьма?

Полетта подала мне чашку и сказала:

– По существу, ваша светлость, не мое это собачье дело. Кто вы и кто я? Еще перед каждой курицей отчитываться. И потом, я иногда...

– Подслушиваешь. Чай великолепен. Присоединяйся.

– Спасибо. Если вы с госпожой Сюзанной хотите, чтобы я не подслушивала, лучше отрежьте мне уши. И потом, я в замке главная по подслушиванию. Пусть уж лучше подслушаю я, чем какая-нибудь индюшка, которая расстрекочет ваши тайны по всему замку и окрестностям.

– Да, да, да... Но что ты поняла из подслушанного?

– Вы – дочка Фигаро и Сюзанны. И это тайна, которую я схоронила очень глубоко в сердце.

– Да.

– Но при этом вы не из нашего мира.

– Да.

– Вы как Исцелитель.

– Не совсем, но близко к истине. Я из другой звездной системы.

– Вот-вот. Ваша светлость, вы кушайте коврижку. Таких в вашей системе звездной небось не пекут. Я только, конечно, все это не понимаю... Галактические кластеры там, системы там, теории струн... Главное, что вы не ведьма.

– Полетта, если уж ты так хорошо подслушиваешь, то знаешь, что никакой магии и ведьм нет.

– В этом, ваша светлость, вы, извиняюсь, ошибаетесь. Как там у вас – не знаю, а у нас они имеются. Теория струн сама по себе, а волшба – сама по себе.

– Полетта, кто это-то тебе сказал?

– Прабабушка моя. Она ведьма каких поискать. Ее и ищут – вся Святая Юстиция и прочие там... И никогда не найдут. Она им так отводит их моргалки, что они в трех кустах ежевики не могут разобраться. Или темноту наведет. Или сон. А ваша теория струн моей прабабушке без надобности. Я маленькая была, мамку-папку потеряла, померли они от чумы, так она меня воспитывала-выращивала. И говорила: запомни, мол, свинка моя морская, что наука и магия не противоречат, а дополняют друг друга. Кстати, она иногда превращала меня в морскую свинку, но это исключительно для моей пользы.

– Кошмар какой...

– И ничего не кошмар. Очень полезно. Я до сих пор могу хоть крыской, хоть мышкой, хоть морской свинкой обратиться, легко. Да вы кушайте, кушайте.

– Полетта, мне сейчас будет дурно. Я крыс боюсь. И мышей.

– Да ладно. А мессер Софус?

– Ты и про него знаешь! А может, сама и колдовать умеешь?

– Немножко.

– Тогда почему ты так испугалась предположения, что я ведьма?

– Потому что моя прабабушка еще и пророчица. И она предрекла, что однажды я увижу ведьму, которая воплощает в себе великое зло и разрушение. Я и испугалась, что это вы.

Полетта шмыгнула носом.

– Я, конечно, не сахар, но я не то существо, о котором пророчила твоя прабабушка.

– Вот я и обрадовалась. И потом, я за вас боюсь. Чтоб вас не схватили эти подлые, из Юстиции...

– Полетта, милая, спасибо! Я сумею за себя постоять, если что. И за весь Кастелло ди ла Перла – до последнего таракана!

– Ваша светлость, вы нас обижаете, мы переморили тараканов еще в позапрошлую пятницу.

– Ой, молодцы. Я вам премию дала? Не дала. Премия вам всем.

– Мы не за премию. Мы просто так. Но, ваша светлость, вы про какое-то существо говорили. Оно злая ведьма?

– Это существо здесь было, убило герцога и почти прикончило меня. Полагаю. Хотя с точки зрения науки и теории относительности она все-таки не ведьма, а особая субстанция. Я не смогла ее победить. Пока не смогла. Поэтому Оливия впала в летаргический сон, и я пока не знаю, как ее из этого сна вывести. Может, дотторе Гренуаль сообразит. Хорошо, что он хотя бы просто за нею наблюдает.

– Да уж... Ничего себе субстанция – у вас трех пальцев нет! Небось ваша звездная система таких не знает!

– И слава... ну кому-нибудь там. Ох, Полетта...

– Что?

– Честно тебе скажу, я не знаю, как дальше жить и что будет.

– Ой, ваша светлость, не забивайте себе голову! Вы не одна в этом замке. В обиду мы вас не дадим. Мы все за вас. Что бы ни было.

– Я очень беспокоюсь об Оливии.

– И Оливию сбережем. Так что пейте чай да ложитесь потом отдыхать. Вам надо сил набираться. И еще, ваша светлость...

– А?

– Можно моя прабабушка тихонечко приедет к нам в замок, ну там под видом кухарки или... кладовщицы. Она говорит, помощь хорошей ведьмы никогда не бывает лишней.

– Конечно. Думаю, она уже здесь?

– Ага.

– Тогда я точно не пропаду. Что ты в чай подмешала, что я так спать хочу?

– Это не я, прабабушка велела. Это три-ксено-базопротиксен и немножко рому. Успокаивает и как снотворное. Прабабушка велела вам побольше спать. И кушать. Так что вы кушайте – и в постельку.

Каково стали с герцогиней обращаться? Но вообще это даже приятно. Тем более что я симулирую больную. Мне можно. Пока.

Я наслаждалась сном, как наслаждаются тихим солнечным вечером на берегу спокойного озера. Мне и снились тихий солнечный вечер, спокойное озеро, мягкие, шелковистые травы, запах прогретых приозерных камней, пение вечерних птиц в дальнем лесочке. Я сорвала травинку, пожевала и почувствовала на языке ее сладость. Я смотрела в небо и придумывала, на что похоже каждое проплывающее мимо облако. Я вдруг почувствовала, что мне лет десять или двенадцать, и я самый счастливый ребенок во Всем Сущем. Я ощущала, что у меня за этим лесочком есть дом – деревянный, двухэтажный, с шестью огромными окнами и прогретой солнцем верандой. У дома на крепкой ветке старого тополя висят качели – мои качели, но повесил их для меня папка, самый лучший папка, другого такого нет. Он всегда затевает что-нибудь интересное, а иногда просто подхватывает меня крепкими, сильными руками и кружит над головой... А мама – какие нежные, добрые, ясные у нее глаза! – притворно сердится, когда я перепачкаюсь в песке или обзеленю одежду, даже легко шлепает полотенцем по попе, но тут же обнимает и целует. Она печет такие вкусные пироги с капустой и яйцами! Аромат этих пирогов я чувствую и

сейчас, пока лежу у озера, и знаю, что скоро она позовет меня. И я побегу, но сейчас я терпеливо жду Собаку. Это ничья Собака, бродячая, и мне ее очень жалко. Она меня сначала очень боялась, но когда отведала маминых пирогов, стала потихоньку привыкать. Я хочу, чтобы она была моей Собакой, я вычешу репы у нее из шерсти, я буду кормить ее, а спать она будет рядом с моей кроватью. Родители не против, и Собака, по-моему, тоже не против...

– Собака, – тихо шепчу я. – Не бойся, иди ко мне, я не обижу тебя. Ну пожалуйста!

И Собака выходит из зарослей таволги, робко ступая и помахивая хвостом. Я похлопываю по земле рядом с собой, и она садится. Я принимаюсь гладить ее большую лохматую голову, почесываю спину, ощущаю, какая она худая, и верю – мама с папой не обидят ее, и она будет самой лучшей Собакой на свете...

– Собака, – шепчу я. – Я люблю тебя. Оставайся со мной. Сейчас пойдем есть пироги. Слышишь? Это мама зовет!

– Лю-юций! Куда ты подевался, негодник! Бери свою Собаку и бегите ужинать!

– Ну вот, – говорю я Собаке. – Нас зовут! Бежим!

И мы вскакиваем и бежим к моему чудесному дому, где ждут меня самые чудесные мама и папа...

– Лю-юций, сынок! Скорей, мы ждем! Мы ждем!

– Хорошо, хорошо, я уже...

Просыпаюсь.

Сначала я не могу понять, кто я и где я. Мои руки стискивают шелковистое покрывало, а не траву. Пахнет лекарствами. Надо мной не небо, а расшитый золотом балдахин кровати. Кошмар. Мне приснился самый прекрасный кошмар в жизни. Я была мальчиком Люцием, у него был дом, мама, папа и Собака. А на самом деле я... Да кто я?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pervuhina_nadezhda/korolevstvo-na-grani-nervnogo-sryva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)